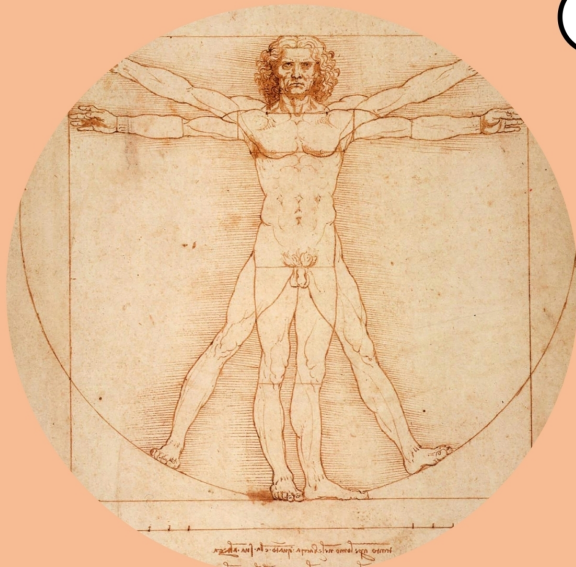

Алексей Черных

16+

Умозрение философии

Поэтический сборник

Алексей Борисович Черных

Умозрение философии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65932249

SelfPub; 2021

Аннотация

Поэзия философская и ироничная, классическая и экспериментальная, простая и вычурная, хорошая и отличная.

Вас ждут встречи с Диогеном и Сократом, Зеноном и Сизифом, Архимедом и Леонардо да Винчи, Лилит, Кассандрой, Немезидой, Тесеем и Одиссеем, Сциллой и Харибдой, Низами, Иссой, Чеховым и Маяковским, Иудой, Плохишом, Чапаевым и Пустотой. А также феями, Золушкой, Белоснежкой, принцами, единорогами и даже конём императора Калигулы.

Для широкого круга любителей занимательной поэзии.

Содержание

Балладка о Сократе	5
О прогрессе и улитках	11
Зенон и фиги	14
Мясник и фартук	17
Numb3rs: «Всё вокруг – числа...»	20
Навеяное картиной Джека Ветриано	22
Мрачные осенние размышления перед сном об ином	32
Туман над Хуанхэ	38
Лилит	45
Единорог за моим окном	50
Чапаеву и Пустоте	59
Город вечной осени	66
О деталях	73
Танго Декстера	75
Ода шестой палате	78
Баллада о четверти часа	82
Где-то в Мессинском проливе между Сицилией и Калабрией примерно в начале XII века до н.э.	88
Сонеты	91
Damnatio memoriae	99
Марш смутного времени	107
Гуманитарная раздача нектара на Олимпе	110

Футурологическое	113
Страдания да Винчи	116
Заключительный аккорд	122

Алексей Черных

Умозрение философии

Балладка о Сократе

Как достал тогда Сократ земляков,
Много умничал и всех поучал.
Был никто ему сказать не готов:
Поучайте, мол, своих паучат.

Не носил Сократ ни шляп, ни очков,
А без шляпы – что за интеллигент?
Мог он в глаз любому из земляков
Засветить легко, в единый момент.

Философия должна быть порой
С кулаками, как бывает добро.
Ну, а так он был по жизни герой,
Не копил ни золото, ни серебро.

Всем прекрасен был: и вежлив, и мил,
Говорил «пардон», давши в глаз.
Только часто и подолгу нудил,

Был как человек-мастер-класс.

Мог сказать, поскольку был башковит,

Что в Афинах – разложение и ложь.

И вы думаете, он был убит

Лишь за то, что власть не ставил ни в грош?

Всех достал, кого сумел он достать,

Наказать его был каждый готов.

По суду решили – должен принять

То ль цикуту, то ли болиголов.

Философия из прочих наук

Умозрительнее и веселей.

Как в ней что докажешь без рук,

Без, пардон, кровавых соплей?

Но на каждого философа есть

Крючкотворы – и юрист и судья.

Было им, наверно, за честь

Прописать философу яд.

P.S. О, даже если б житель каждый

Афин Сократом был с утробы,

Собрание афинян важных

Толпою было всё равно бы.

* * *

*Так жить нельзя! В разумности
притворной,*

*С тоской в душе и холодом в крови,
Без юности, без веры животворной,
Без жгучих мук и счастья любви,
Без тихих слез и громкого веселья...*

А. А. Голенщев-Кутузов

Так жить нельзя! О том всё время думать,
Как жить нельзя, а как, возможно, лзя.
Не пить вина с кумой и водки с кумом,
Искать повсюду смыслы бытия.
А их нам не найти без питья...

Так жить нельзя! За мудростью гоняться,
На сто ходов просчитывать шаги.
Любовью лишь как мукой наслаждаться
И млеть от безответности тоски,
Не видя счастья благодной руки.

Так жить нельзя! Без слёз и без веселья,
Но правильно – дни жизни проводить.
Не мчаться в танце с грацией газельей,

А грациозно свой баланс сводить,
И звон монетный больше дев любить.

Так жить нельзя! А как быть лезя, не знаю.
Но думаю, что подводить баланс
Возможно, даже водку потребляя
И дамам напеваючи романс,
Пиша с друзьями пульку в преферанс.

Так жить нельзя! Тоску в душе и холод
Расчётливости стоит согреть
Уразумением, что дух наш молод,
Пока душа желает танцевать...
Берусь сейчас всё это подсчитать.

* * *

Лишь слегка нахмурю брови я,
Падая в кровать.
Ночь, как натурфилософию,
Буду осмыслять.

Каждый вздох, минутку каждую
Прожитого дня
Оценить, понять возжажду я...
И забыть, гоня.

Ни к чему мне треволнения
Горькие о том
Что, по моему же мнению,
Я не сделал днём.

Днём и ночью жизни разные,
Ночью я – не я.
К чёрту глупости напрасные
Прожитого дня.

В этом натурфилософия
Жизненных проблем:
Выпил чаю, выпил кофию
И забыл... совсем.

* * *

О, сколько историй из жизни этой
Достойны развёрнутых сериалов
И многомиллионных бюджетов,
А позже – премий и пьедесталов.

Но чаще жизнь состоит из моментов,
Из эпизодов, простых, но ёмких,
Более подходящих для коротких метров,

Требующих минимума денег на съёмку.

Особенно много таких эпизодов
Случалось на войне, где накал эмоций
Побуждал людей и огонь и воду
Проходить без указующих лоций.

Порою людей на вершине силы,
А иногда – на границе бессилья,
Ситуация за секунды вверх возносила,
Даруя святости крылья.

О прогрессе и улитках

*Об обращении Иисы к улитке тихо ползти вверх по склону
Фудзиямы, до самых высот оной*

Нам врут: не только вверх улитки
Ползут по склонам Фудзиямы —
Они порой довольно прытко,
Глупя, соскальзывают в ямы;

Крадутся перпендикулярно
Бегущей на верхá дороге.
Они – как будто биполярны,
Как есть же – просто брюхоноги.

Прогресс стал следствием ошибок
И проб – не глупого стремленья
Стай фудзиямовых улиток
Взбираться вверх до помраченья.

**О коне императора Калигулы по кличке Порцелли-
ус (Поросёнок), переименованного позже в Инцитату-
са (Быстроногого) и сделанного Калигулой сенатором
Рима**

Порою и конь обрастает статусом,
Когда Калигула – императором при нём.
Будучи Порцеллиусом, конь становится Инцитатусом —
То есть, из Поросёнка – Быстроногим конём.
Со временем его делают римским сенатором —
При Калигуле коню стать сенатором легко.
Это как работа престижиджитатора:
Дунул, плюнул и уже – ого-го!
Мог этот конь стать со временем консулом,
Только Калигула помер, увы,
Чем непарнокопытного альфонса он
Бросил в лапы неблагосклонной судьбы.

Мораль такова: можешь быть ты сенатором
И даже негром преклонных годов,
Но лучше иметь под рукой престижиджитатора,
Который и дунуть, и плюнуть готов.

* * *

Вечерняя пробка тянулась куда-то
За горизонт событий.
Сияла огнями, звенела матом,
Злобным и неприкрытым.
Сидельцы пробки эмоций излишки

Растрачивали убого.

Не на подкасты и аудиокнижки,

Прослушиваемые по дороге,

А на изливание вычурной страсти,

Ругательств, воплей, стенаний.

Вместо пары часов каждодневного счастья

Умных мыслей и знаний.

Не хочет народ добровольно само-

совершенствоваться себя ныне,

Но местные власти продолжают упрямо

Пробчатый трафик волынить.

Решили, по-видимому, пока люди

Не «самоусовершатся»,

Никто из них никогда не будет

Заторами заниматься.

И будут пробки тянуться куда-то

За горизонты событий,

И будут звонче людские маты,

Всё злобней и ядовитей.

Зенон и фиги

Зенон Китийский стоик был – не повезло:
Пришлось создать стоическую школу.
Жить просто, без семьи – ещё куда ни шло,
А без рабов!.. – Вот где ни по приколу!

Хотя в Афинах древних жизнь таки была
Не хлопотной: вино, гетеры, фиги.
Вино разбавлено; гетерам несть числа;
Фиг до фи́га. Отсутствовали книги.

Гетер Зенон как стоик не любил,
Вино он сильно разбавлял водою.
А фиг ел много, сколь хватало сил
Себя замучивал он фи́говой едою.

Ел их зелёными и спелыми. Порой
Ехидно звал плоды сии инжиром,
А коль хотел сказать кому, что тот тупой,
То обзывал смоковницею сирой.

Выходит этика Зенона и его
Божественные логосы и фатум —

Всё как бы порожденье фйговб,
Зачато в несварении проклятом.

* * *

И волкам, и собакам юным
Выдан был от начала мира
Дар стремленья ко вкусным лунам,
Что подобны головкам сыра.

Их, животных на вид суровых,
Лик луны восхищает очень —
В полнолуние псы готовы
Вторить воем феерии ночи.

На свободе ли волки скачут,
Иль в неволе бряцают цепью —
Все тоскуют они, и плачут,
И дивятся великолепию.

И тоска их, и восхищенье,
И свобода, и несвобода —
Всё теряет своё значенье
В миг, когда велика природа,

В миг, когда кто-то звёздные руны

Рассыпает по ткани мира,
Зажигает вкусные луны,
Что подобны головкам сыра.

* * *

Избавь меня, Господи, от сомнений;
Сделай жизнь мою, Господи, тихой и ровной;
Излечи от терзающих размышлений
О ненужности нашей пустословной.

Дай зренье мне, Господи, да такое,
Чтоб в жизни жестокой и несправедливой,
Узреть проявленье Твое всеблагое
К нам, недостойным и суетливым.

Мясник и фартук

С утра открывая лавку,
Кивая редким прохожим,
Мясник, как писатель Кафка,
Весь чистенький и пригожий.
Он, день начиная рабочий,
Натягивает фартук,
Который отстиран не очень,
Старательно, но без азарта.

И фартук тот неприятен,
Как взгляд на невестку свекрови, —
Разводы от старых пятен
Напоминают о крови.
Но тут ничего не поделать,
Ведь смерть – это часть сюжета.
А фартук – обычная мелочь,
Его ремесла примета.

Мясник целый день в заботах,
Он мясо старательно рубит.
Проделывает работу,
Которую люди не любят.

Потом, выходя в перерыве
На перекур из лавки,
Он выглядит некрасиво,
Как Джек-Потрошитель, не Кафка.

Он курит и струйки дыма
Пускает в пространство туго.
А все, кто проходит мимо,
Обходят его по кругу.
Не то, чтоб какие-то черти
В глазах его строят рожи,
Но будто дыхание смерти
Отталкивает прохожих.

Суров и немногословен,
Как древний шумерский Мárdук,
Мясник не стесняется крови
Которой забрызган фартук.
Ведь вечером, закрывая
Пропахшую смертью лавку
Он снова станет, как Кафка...
А кровь? Ну, работа такая.

* * *

Двадцатый век... Ещё бездомней,

*Ещё страшнее жизни мгла,
Ещё чернее и огромней
Тень Люциферова крыла...
А. Блок*

Люциферовые тени – в двадцатом,
Сатанинские хвосты – в двадцать первом.
В каждом веке есть всегда годы ада,
Есть у нас, чем раздраконивать нервы.

Не увидим мы отличие счастья
От несчастья, а принцессы – от стервы,
Если только перед ведро ненастья
Не расскажут, как оно в двадцать первом.

Numb3rs: «Всё вокруг – числа...»

*Здесь мудрость. Кто имеет ум,
тот сочти число зверя, ибо число
это человеческое; число его
шестьсот шестьдесят шесть.*

Откр. 13, 18

Чтоб описывать чудища, числа нужны и слова:
Восемь ног, восемь рук, восемь крыльев, одна голова.
Если как-то подкрасться, чтоб сверху его обозреть,
Восьмикрылого ангела сумеем в нём разглядеть.

Если ж взгляд на него мы откуда-то снизу бросим,
Он покажется бесом восемьсот восемьдесят восемь.

Слишком часто зависит от точки обзора ответ,
То ли дьявол парит пред нами, то ли дарящий свет.

Лучше забыть о восьминожии и восьмиручии вовсе,
Пусть останется ангелом восемьсот восемьдесят во-
семь.

В Откровениях сказано, умный да сумеет счесть

Числа зверя, которых не шестьсот шестьдесят шесть.
Бесконечное множество их, но они – просто слова.
Точек зрения тоже много, но есть одна голова.

* * *

Тешусь я мыслью неумной, что мир лихорадит
Лишь по одной причине:
Это в параллельных вселенных негры грабят
Книжные магазины.

Навеяное картиной Джека Ветриано

Чуть неглиже расшторив,
Посвечивая грудью,
Глядела на сонное море
И даль увлажняла грустью.

Ведь кофе уже наскучил —
Хотелось чего покрепче.
А море плохому учит —
«Давай уж напейся!» шепчет.

Напьюсь, непременно стану
Остатки вечерней грусти
Топить в глубине стакана —
Пока не напьюсь, не отпустит.

* * *

Спионерившим стихи мои – радости,
Пусть доставят они вам удовольствие.
Плагиат – всего лишь мелкие шалости,

Что отнюдь не нарушают спокойствие.
Непоэтам ведь порой тоже хочется
С музой почудить опосредованно
Через наш лихой фонтан стихотворчества,
Через то, что критиком не исследовано.
Что там копирайт, контрафакция?
Подражание есть дело привычное.
Тексты – это лишь информация,
Зарифмованная ли иль обычная.
Хорошо то, или плохо – неведомо,
И узнать – не стоит даже надеяться.
Как Екклизиаст проповедовал:
То, что делалось, то вновь будет делаться.
Всё, что тырилось, и впредь будет тыриться.
Ну, так пусть же это тырится с радостью.
Будет стих мой шпионеренный шириться
Через плагиат с разудалостью.

**Возьми БГ к реке, положи его в воду, учи искусству,
наконец, быть смиренным**

На обезвоженную реку
Учить искусству смиренным быть,
Никто не сможет человека
В раз взять и в два – переместить.

Там есть условие такое,
Что надо в воду положить.
Но как? Течение речное
Давно подрастеряло прыть.

Покрылась тиной и ряской
Малоподвижная вода.
Я б клал людей в неё с опаской,
А уж несмирных – никогда.

И так учение искусству
Быть смирным – малочтимый труд.
А тут ещё с водою грустно,
Река уж – ни река, ни пруд.

И значит новых усмирённых
Жизнь не добавит нам уже,
Лиц неудовлетворённых
В их неглиже.

* * *

Ах, как две наших сущности —
в принципе разные,
Плотно схвачены временем
в нечто одно:

Тошно-сочное, яркое —
и слегка несуразное,
Как «Алжирские женщины»
версии О.

* * *

Наш выбор сделан. Мы, надеюсь,
Не бурида́новы ослы,
И выберем, не канителясь...
Хоть муки выбора милы.
Милы иллюзией, что можем
Мы выбором своим сменить
Процесс с названьем «Лезть из кожи
Вон» – на процесс с названьем «Жить».

* * *

А кофе с утра в октябре, на балконе —
Не тот, что с утра в июле.
Не выйдешь свободно в неглижном хитоне,
Выковыривая козюли.

Не сядешь истомно в плетёное кресло,
Поскрипывая ротангом,
Любуясь природой, что словно воскресла

В свете с восточного фланга.

А будешь давиться горячим напитком,
Думой одной влекомый:
Укрыться а-ля осторожным улиткам
В уюте тёплого дома.

Но я всё шепчу, не по форме одетый,
Рифмованные сутры
Печали ушедшего тёплого лета
И кофе октябрьского утра.

* * *

Его пророческие мантры,
Как и вещания Кассандры,
Не принимались и не шли
На пользу жителям Земли.
Ведь, как известно, у пророка
В своём отечестве без срока
Лицензии пророчить нет.
Такой вот эксцентриситет.

* * *

Был Маяковский не Лао-цзы,

Судил поэтому строго,
Твердя: «Все вы, люди,
лишь бубенцы
на колпаке у бога».

Мысли поэта —
резки и резвы,
Ими он просто светился.
Люди в стихах для него были «вы»,
Бог – в колпаки рядился.

Кем поэт Маяковский считал
Себя и людское племя,
Уже не важно.
Он это писал,
Поглядывая сквозь время.

И был он, по-видимому, прав,
Ставя себя где-то между
Миром людей и миром глав
Небес, дающих надежду.

* * *

Как Диогену помогая,
Со свечкою при свете дня

Людей искал, судьбу кляня
И чьи-то души поминая.

Не ради славы ведь старался —
Не ради веры в божество.
...И от того вконец остался,
Как Диоген, без ничего.

* * *

*@morning_swallow с благодарностью
за данную мысль*

О, хлеб и зрелища будут желанны всегда,
И эти желания – тоже из категории вечных.
Даже занимая в вечных самолётах места,
Направляясь в вечную Касабланку или ещё куда,
Жаждать народ будет хлеба и зрелищ беспечных.
Не помогут ни светлые радости, ни яркая красота.
Схема счастья известна тысячелетия и проста:
Зрелища, хлеб, рабы... и пара заводиков свечных.

* * *

За детьми того декабря
Дитю января – трудно.
Оно будто дышит зря

И всхлипывает простудно;

Оно никудышный актёр,
Хоть паузу держит дольше.
Ему не доступен флёр
Снов, что о чём-то большем.

* * *

Отец Небесный, да святится Имя,
С Которым на земле наступит царство,
Твоя где воля встанет над другими;
Дай хлеб насущный, не нужны нам яства;

Прости долги нам, как прощаем сами
Мы должников своих открытыми сердцами;
Не искушай, избавь от всех лукавых;
Пусть в царствии Твоём пребудет слава.
Аминь.

Еккл. 1, 9-10

...Нам сказано: что было, то и будет,
Что делалось, то сделается вновь —
Нет нового под солнцем! Если ж люди
Укажут вам на что-то: вот-де новь! —
Не верьте им, всё ранее случалось

В седых веках, что были прежде нас.

Нет нового под солнцем? Что ж, осталось
Искать другие солнца в этот раз.

* * *

Бледно-кисельным туманом
Заволокло всю округу.
Пространство, словно дурманом
И сыростью сжало туго.

Мир потерял воздушность,
Его загробла лениво
Влажно-туманная сущность,
Некий субстрат депрессива.

Кажется, будет сыро
Вечность и суше не станет.
Кажется, ёжики мира
Все как один в тумане.

Иксперд

Свой лик бесконечно любя,
Вещая почти без паузы,
Явится такой из себя

Доктор honoris causa.
От неизвестных заслуг
И неизвестных открытий
Доктор, твою ж ты, наук,
Всех докторов именитей.
Пешка, что старше ферзя,
Специалист по доносам.
Профессор всего и вся,
Эксперт по любым вопросам.
Если его не прервать,
Он даже господу Богу
Расскажет, как управлять
Вселенной властно и строго.

Мрачные осенние размышления перед сном об ином

Иные мы, иные люди,
Иные страны, города...
А вот планет иных не будет —
Для нас не будет – никогда.
Не вся доступна «инота»:

Не будет новых измерений,
Иных вселенных и миров...
Хотя, возможно, некий гений
Чрез пару-троечку веков
Сорвёт с вселенских тайн покров...

Но мы уже к тому моменту,
Забыв о притяженье звёзд,
Как Тánатосовы клиенты,
Былой эпохи рудименты,
Отчалим строем на погост.

А там иные наши взгляды,
Идеи, замыслы, мечты

Куском блестящим рафинада
Истают быстро, как и надо
Под едким действием воды.
И всей кладбищенской среды.

О, чёрт возьми, какие думы
Порой неумный мозг гнетут,
Как шквал пустынного самума,
Успокоенья не дают.
Уснуть теперь – напрасный труд.

P.S. Откуда выйдем мы, куда мы, блин, придём?
Домчимся, долетим или доедем?
Прямой дорогою иль обходным путём
Через червоточину в пространственном клозете?

* * *

*Тогда Иисус сказал ему:
что делаешь, делай скорее.
От Иоанна, 13, 27*

Плохиш предавал всегда,
всё больше – из морального удовольствия,

Бочки варенья с ящичками печенья
он сдавал под расписку на склад.

Его мало интересовали вино, наркотики,
женщины, продовольствие —

Только сам процесс предательства
как процесс сползания в ад.

Даже Иуда, предав, это сделал
единожды. Бытует мнение,

Что выполнил он предсказанье пророков
и Учителя явный приказ.

Так было нужно, иначе Учитель
Своё божественное предназначение

Не выполнил бы никогда,
не умер бы за недостойнейших нас.

Предателей – что песка в Аравийской пустыне,
секрета мы не откроем.

Почему самым главным стал он, Иуда?
Чем «главнее» его вина?

Плохиш вот останется в книгах

пусть плохим, но литературным героем,

А Иуда иудой стал и останется им,
несчастный, на все времена.

* * *

Нужно стоять, замерев,
Помалкивать и не выть,
Так чтобы праведный гнев
Свой грубо вовне не лить.
Взгляд устремив к небесам,
Почти не дыша, не мстить.
Титаник утонет сам,
Не нужно его топить.

* * *

Дождь продолжался который час,
Вялый, неспешный, пустой.
Мучил октябрь и себя и нас
Сыростью и тоской.

Время замедлило резвый бег,
Казалось, уже целый год...
Да что там год? Уже целый век

Назойливый дождь идёт.

* * *

Из красивого, стильного терракотового кашпо
Выглядывал нестильный горшок, пугающий взгляд эстета
Неизвестным автору цветком кровавого цвета,
Равным по приятности рассказам Эдгара Аллана По.

Бесновался октябрь за большим, панорамным окном,
Невзирая на дождь, заливая пространство светом.
Только комната будто всё равно подчинилась цвету,
Что навеян был Эдгаром По и красным цветком.

* * *

*...И когда новый лист, закружив над землёю
Упадёт, не задев никого,
Мир, охваченный глупостью и суетою,
Не заметит паденья его.*

Ах, боже мой, какая это скука —
Сидеть и слушать осени шаги.
Сначала тихие, на грани инфразвука,
Потом тяжёлые, давящие мозги.

Удары жёлтых падающих листьев,
По охладевшей парковой земле
Подобны бою капель голосистых
По наковальне ванны в санузле.

Мне тяжело, до слёз переживая
За каждый опадающий листок,
Я память обо всех них сохраняю,
Меж слабых рифм и стихотворных строк.

Туман над Хуанхэ

У кого-то туман над Янцзы,
А у нас он – над Хуанхэ.
И уходят в него глупцы
И людишки на букву «Х».

Жаль чудилы на букву «М» —
Ни за что туда не уйдут.
Было б меньше на свете проблем,
Коль они б были там, а не тут.

Только жизнь ведь, увы, такова,
Что мы сами бываем «Х».
Не ища оправданий слова,
Хоть бери и ныряй в Хуанхэ.

Но туман – он такой объект,
Что сумеет порою скрыть
Человека обычный дефект —
Буквой «М» иногда быть.

Утки дикие восхитительны —
Цвета всякого...
Иногда, удивительно,
Даже крикают.
Пруд осенний – уткодром,
Им тут нравится,
Птицам с радужным пером,
Раскрасавицам.

Проплывают утки выступом,
С форсом, павами.
И ныряют, попы выставив
Солнцу слабому.
То ныряют, то плывут
С негой ленною.
Их тут много, этот пруд —
Их вселенная.

* * *

В сосновой роще вряд ли осень
Считать мы можем золотой —
В зелёно-серой массе сосен
Цвета её бедны собой.

И лишь когда лучи заката

Пронзают рощу под углом,
Деревья вспыхивают златом
И ярким бронзовым огнём.

Стволы их, каждый как фонарик,
Искрятся тысячью свечей
И оживают в нежном жаре
Всепроникающих лучей.

Внизу они покрыты грубой,
Одервеневшею корой,
А сверху – скрыты, словно шубой,
Поблекшей хвойной мишурой.

Лишь серединой, где кудрятся
Кусочки ломкого корья,
Стволы горят и золотятся,
Очарование дая.

И эти тоненькие лохмы
Дрожащей нежностью полны.
Они, играя, рушат догмы,
Что сосны осенью скучны.

Конец ноября

Проседь первого снега
На земле между сосен —
Не успела отбегать
До конца своё осень.

* * *

И за полчаса и за час до весны
Лишь одно согревает чувство,
Что она таки будет, развеет сны
О прошедшей зиме грустной.

* * *

Утки на пруду. Осень.
В зеркале воды смело
Отражается небес просинь.
Это в рифму. Цвет на деле – серый.

Осенью рифмовка мнима,
Чувствуется в ней мякоть.
Утки, проплывая мимо,
Лопотят, хотя должны крякать.

Тишиной и блажью утра
Холод с облаков льётся.

Это ведь не глупо, не мудро —
Ждать, что лето снова вернётся.

В уточном кильватерном следе
Гладь пруда расцветится рябью.
Стоит всё же думать о лете,
Даже если лето то – бабье.

* * *

На ней словно выггли тавро шизофреника,
Прямо, как ей то казалось, на лбу —
Она вместо мётел летала на вениках,
Чем безусловно раздражала толпу.

К тому же она не пользовалась ступою,
Сделав из неё цветочный горшок.
Беззаботно щерилась улыбкой беззубою,
Чем повергала соседей в шок.

Стала практически доброю феею,
Будучи родом из почтенных Баб Яг.
Это, насколько то разумею я,
Шизофрении и есть верный знак.

Ну, кто подобру и кто поздорову-то

Будет расфеевать знанье своё,
Щедро наколдовывая добро без повода?
А даже если и по поводу. Глупости всё.

Дали метлу, так изволь, как положено,
На Лысую гору на шабаш летать,
Зелье вари, постарайся прохожего
Ивана «Премудрого» в печь запихать.

Нечего Золушкам помощь оказывать —
Строй больше каверз, препоны твори,
Озорничай, разгоняй безобразия
По закоулкам бескрайней земли.

Только она тех советов не слушала,
Веник беря, оставляла метлу,
Летела куда-то... Наверное, к лучшему...
И веник её был подобен крылу.

* * *

С точки зрения бабочек мы бессмертны,
С точки зренья медузы – тверды,
По мненью макак – мы умны безмерно,
А может, наоборот, пусты.

* * *

У судьбы – в её безумной палитре
Неурядиц и щемящей тревоги —
Были Лже-Нерон и Лжедмитрий,
Будут лжемессии, лжебоги.

Те, кто «лже», имеют больше доверья:
Их лапша наваристой каши,
Речь их, что полна лицемерья,
Простодушной истины слаже.

Научившись, впрочем, зёрна от плевел
Отделять без истерии и стонов,
Мы в объятых наших лжекоролевен,
Вытесняем из себя Лже-Неронов.

Лилит

Он касался цветущих её ланит
Нежно-трепетными устами,
Он нашёптывал глупости ей: «Лилит,
Я пленён до безумия вами».

Он на шёлковой глади её чела
Всё искал, но – гордясь до блаженства —
Не нашёл ни морщинки, какая б могла
Преуменьшить её совершенство.

Он очей её томных всеильный магнит
Не старался омыть слезами.
Он и сам уже верил, твердя: «Лилит,
Я пленён до безумия вами».

Он пытался запомнить обличье её,
Абрис персей её и чресел,
Чтобы после в мечтаниях, впад в забытьё,
О других уже больше не грезить.

Флёр иных соблазнительниц позабыт,
Мягко глядя её перстами,

Ничего он не помнил, шепча: «Лилит,
Я безумен, безумен вами».

* * *

В былое время тяжело
Поэтам несомненно было:
Нужны им были стол, перо,
Бумага, Болдино, чернила.

А тут с планшетом вышел в лес,
Задумался, открыл редактор
И начал творческий процесс
Прям с пятой сцены в третьем акте.

Экран немного повлажнел
От лёгких завихрений снега,
Пока насвайпить я успел
Четверостиший пять с успехом.

Вот так – без перьев и стола,
Без рюмки в кресле пред камином.
К поэтам техника дошла:
Писать стихи теперь рутина.

* * *

Хмурые, скучные дни ноября...
Небо от края до края
Всё в облаках – ни закат, ни заря
    Не восхищают.
Как безотраднo и как тяжело
Осенью павшим в немилость
Видеть ноябрьское ремесло —
    Серость и сырость.

* * *

Мир становится всё больше дурацким,
Сколько матом не ругайся насадно.
Тут не нужно королевству быть Датским,
Чтобы видеть, что в нём что-то неладно.

Бедный Йорик не одарит советом,
Сто Офелий не помянут в молитвах.
Ибо Гамлет, он всегда был с приветом
На дуэлях или в праведных битвах.

Смысл истории про датского принца
В том, что умерли все. Впавши в детство,
Принц какого-то рожна шёл на принцип —
Лучше б занялся своим королевством.

* * *

Сегодня печалилась фея не розами
И бабочками, как обычно —
Она разгрустилась большими стрекозами
О чём-то не фейном, а личном.

Всегда эти феи о ком-то заботятся,
Забыв о себе. И в спешке
То принцы и Золушки ими сводятся,
То – гномы и Белоснежки.

А феям самим бы хотелось в феерии
Из обожанья и страсти,
Облагородившись парфюмерией,
Греховным насытиться счастьем.

Но не положено: феина долюшка
С грехом совместима едва ли.
К тому же, увы, Белоснежки и Золушки
Всех принцев порасхватили.

Вот и кручинится стайкой стрекозною
Она, но, правда, недолго:
Им не положено быть серьёзными

По штату и чувству долга.

Единорог за моим окном

Он дышит и радостью, и свежестью утра,
Повышая счастье минимум на пол-октавы;
Красит облака амальгамой и перламутром;
Наколдовывает росы на цветы и травы.

Каждой улыбке он присуждает награды
За живость чувств и лёгкую яркость природы;
Разрывает цепи; находит разные клады;
Указывает в хитрых лабиринтах проходы.

Говорят, что единороги любители радуг,
Кушают их на завтрак в сыром или жареном виде.
Какают то ли бабочками, то ль горстями мармеладок...
Вот чего не знаю, того не знаю. Ибо не видел...

* * *

Жизнь порой принуждает увязывать
Разноголосие в хор.
Есть много таких, кто рвётся показывать
Глубины кроличьих нор.

Нужно ль кому во владения кроличьи?

Многим ведь всё равно —

Не задаются вопросами с горечью,

Имеют ли норы дно?

Их привлекают процессы стремления

Не вверх, а в кроличью глубь,

Синих и красных таблеток вкушение,

Белиберда их и глупь.

Рекомендую, увидите кролика,

Нырющего в норú,

Не соблазняйтесь Алисейей буколикóй

И плюйте на их игру.

* * *

Время от времени даже Сизиф отдыхает —

Вместо себя в апогей туристического сезона

Фрикам заезжим он милостиво разрешает

Камни ворочать по глади постылого склона.

Сам же при этом расслабленно дышит ветром,

Изредка рвущимся в Тárтара жаркую бездну;

Смотрит на свору безумцев, что как сколопендры

Ножками и локотками тычутся нелюбезно.

Много столетий Сизиф перекатывал камни,
Он все доступные мысли уже передумал.
Тезисы старые, без размышлений недавних,
Кружатся в мозге подобьем лихого самума.

Труд он, Сизифов, не в том, что булыжник проклятый
Следует вкатывать на́ гору вечно и тщетно:
Вырваться нужно за круг размышлений предвзятых —
Вот что, увы, нелегко для Сизифов бесцветных.

Фрики визжат, словно голые девы в крапиве,
Тешатся адреналином, по склону потешно трусят.
Мыслей в них меньше, чем даже в усталом Сизифе —
Только б укрыться от камня, добраться до смузи.

Позже, когда экскурсанты покинут Таргар,
Стихнет их гам и наступит покой стародавний,
С данного февраля и до будущих мартов,
Будут Сизифа ждать только вечность и камни.

P.S. По одному из вариантов мифов о Сизифе, царе Коринфа, он – кроме своих обычных, человеческих грехов – похитил и заточил в темнице бога смерти Та́натоса, после чего люди на Земле перестали умирать. Боги такое не прощают.

* * *

Нам часто невдомёк,
Что ждём и что мы ищем.
Последний уголёк
Истлеет на кострище.

Рассеется тепло
На радость энтропии.
Что было, то ушло...
Ликуйте же, витии.

* * *

Порою стихо- похож на психо-,
Его тревожить непозволительно,
Ибо как только разбудишь лихо,
То обрифмуют весьма язвительно.

* * *

Даже стирая ластиком
Ужас необоснованный
Будущего надгробия,
Люди смерти не ждут.
Те же, кто любит ужастики,

Не любят, наверное, клоунов.
Это коулрофобия,
Так этот страх зовут.

Клоуны точно страшные,
Клоуны точно жуткие —
В этом любители триллеров
Явно убеждены.
Но эти страхи пустяшные,
Мелочные и хрупкие,
Все перед страхом смерти, ох,
До омерзенья смешны.

Борщ без чеснока

Жжёт вселенская тоска,
Ибо борщ без чеснока —
Это словно водка без пива.

Борщ пахучий и густой,
И сметана в нём горой,
Но без чеснока – сиротлива.

Точно также ем я щи,
Как и прочие борщи,
Тоже с чесноком и сметаной.

Чуя мой чесночный дух,
Все вампиры мчат на йух,
Словно я гоню их с берданой.

* * *

Не считаю разумным ловить осу
Рукой у себя перед носом.
Играть с нею в ладушки на весу —
Даже если она попросит.

А если укусит, а если вонзит
В меня ужас острого жала,
И Немезидою из Немезид
За воз моих прежних грехов отомстит —
За всё, что раньше прощала.

Уж лучше застыть неподвижно пред ней,
И пусть же всё будет, как будет.
Ведь осы порою бывают страшней,
Чем даже вредные люди.

* * *

И будет свет гореть в окне

И посылать сигнал вовне
О том, что очень грустно мне...
Но грусть чудесна.

Всегда заснеженной весной
Она является за мной
И вместе с болью головной
Уводит в бездну.

Когда ж своё возьмёт весна,
Прогонит зиму прочь она,
Листвы зелёная волна
Меня накроет.

Тогда оставив грусти флёр,
Я выйду радостный во двор.
Пусть уходящий зимний вздор
Не беспокоит.

* * *

С точки зрения Придумавшего эту Вселенную
Мы, живущие на краю небольшой галактики, —
Лишь проявленье пустого, суетного и бренного,
Но собственно – малополезного на практике.

Для Него важнее красоты комет, распушающих
Хвосты свои под воздействием солнечного ветра —
Не мы, слишком мелкие и не слишком украшающие
Его Вселенную, рождённую вакуумом щедро.

* * *

В бесстрастии или страсти,
В силе или безволии
Душа – вместилище счастья
И – ничего более.

* * *

Уходящая зима,
Век её недолог.
Свет дневной, ночная тьма,
Сумеречный морок.

Недотаявших снегов
Лёгкое унынье.
Пустота сырых лугов
И небес бессинье.

Надоевшая до дна
Моего терпенья

Уходящая зима
Жаждет дней забвенья.

Чапаеву и Пустоте

Пелевинский орден Октябрьской звезды
Поблескивавший на фраке,
Носил этот мрачный адепт пустоты
И сам будто жил во мраке.

Он чувствовал всё, что не чаяли мы:
Свет будущих дней, тьму – прошлых.
И видел листву и цветы среди зимы
Сквозь серость сугробов пошлых.

Он видел и то, что не видел никто:
Движеньё фотона света,
Вселенной бездонное решето
И робкую мысль поэта.

Недвижимый он – восьмиглаз, шестирук —
Сквозь пустоту безвремений
Собой замыкал фантастический круг
Клубящихся измерений.

На всё мог влиять и всё потрясать
Он мог... Но не делал это,

Позволив Вселенную познавать
Философам и поэтам.

* * *

За дивной глубиной заката,
Пурпурящего небеса,
Явилась тьма, а с ней прохлада
И все ночные чудеса.

Освоив странную манеру
По-быстрому скрывать себя,
Катилась к западу Венера,
Холодной яркостью дивя.

Казалось, только что сияла —
И вот за светлый горизонт
Она стыдливо убежала,
Скрывая как бы свой афронт.

А звёзд полуночная сфера,
Расправив плечи широко,
Исчезновение Венеры
Затмила просто и легко.

Она раскинула манерно

Размывы Млечного Пути.
В их свете зыбкий след Венерный
Уже, наверно, не найти.

* * *

Если чувствуешь, что кто-то
За тобой следит,
Знай, такая их работа —
Гугл бдит.

То, что ты смотрел сегодня,
Где твой замер взгляд, —
Всё в их цифропреисподней
Сохранят.

Все слова твои, насмешки,
Твой грешок любой
Вычислят в процессе слежки
За тобой.

Неживое и живое
Занесут в досье.
Таковым есть цифровое
Бытие.

26.03.2021

Снег продолжает падать,
Март ему – не помеха.
Двадцать шестое марта,
Если сказать точнее.
Снегу твердят «Не надо»,
Но он идёт – ради смеха —
И от весны фальстарта
Ему с каждым днём смешней.

* * *

Как бы научиться предвидеть,
Как бы разучится предверить.
Как бы всё, что может обидеть,
Вытолкать пинками за двери.

* * *

Электро-дэнс – пустая данность,
Постмодернистский блёклый сумрак —
Утратил флёр и куртуазность
Давнишних полек и мазурок.

Хип-хоп и паппинг вместо танго,

Тверк в ягодичном пароксизме —
Лишь проявление цугцванга
В культур-мультиурной парадигме.

* * *

Мир не всегда раскрывает объятия —
Не стоит грустить и роптать.
Нужно накапливать противоядие,
Чтоб яд этой жизни вкушать.

* * *

Будь добра,
Проснись и пой,
Блажь с утра
Всегда с тобой.
Порази
Пикантным ню,
Вознесись
Навстречу дню.
Улыбай-
ся, говоря:
«Ночи бай!»,
«Привет, заря!»

* * *

Эти физика и химия,
Эти филии и фобии
Не расскажут, что другими мы
Станем при одном условии:
Если встретим настоящую,
Ослепительно-волшебную,
Вдохновенную, манящую
Половинку задушевную...

Это, впрочем, тоже филия,
Или вовсе даже фобия,
Верить, что любви обилие
Жизнь не сделает суровее.
Физика предложит формулы,
Химия – эфиры сложные,
Но любовь свою формою
Наколдует невозможное.

* * *

Казались сочными эти строчки,
Таковыми пухлыми – до экстаза,
Как плечо юной купеческой дочки
Из чеховского рассказа.

* * *

Летней ночью дивясь, не могу промолчать я,
Восхищением не отметив:
Светлячки – это точно младшие братья
Вдохновляющих звёздных соцветий.

* * *

Не пытайся слушать песни ветра
И вникать в сплетение мелодий,
Что в вершинах сосен, свечках кедра
Напевал зефир лихой сегодня.

Так нечеловеческое пенье
Может человеческому вторить:
Завыванья, вздохи, свист, гуденье —
Звукоинтермедия в мажоре.

Город вечной осени

Все города – города осени,
И редко какой – весны.
Их будто взяли и в тыл забросили
Трагедии и войны.

В Горловке – настоящей трагедии,
И настоящей войны,
О которой вам не узнать в Википедии,
О которой не расскажут сны.

Которая может нежданной проседи
Добавить как бы займы.
Все города – города осени,
А Горловка – и зимы.

* * *

Веер теней от светильников
Щедро размножил меня.
Столько бы мне собутыльников
Вечером у огня.

Сыростью надышавшийся,
Подземный пройдя лабиринт,
Чувствую, что душа уже вся
Сера, как несвежий бинт.

Тесеем мечусь в помещении,
Куда меня случай вверг.
Движение – просто движение,
Если оно не вверх.

С живостью сотни сангвиников,
Рвущихся из меня,
Радуюсь собутыльникам,
Ждущим меня у огня.

* * *

Шамаханские царицы
Все попрятались уже
По аулам и станицам
И не ходят неглиже.
Будням серым, монотонным
Жизни их подчинены,
Ибо все цари Дадоны
Перераспределены.
Не пытаются царицы

Козни подлые плести.
Разленились свет-девицы,
Истомились взаперти.

Где те Пушкины, что раньше
С неким ядом на устах
Упивались сладкой фальшью,
Воспевая их в стихах.
Рисовали их как грешниц,
Искусительницами,
Хоть они – ну, чисто внешне —
Семь красавиц Низами́.

Говорили, мол, прекрасны,
Говорили, мол, чудны —
Встретят, мол, улыбкой ясной,
Но – их помыслы вредны...
Та́к их Александр Сергеич,
Шамаханских, преподнёс —
Не бутоном орхидеи,
А кустами колких роз.

Но они не виноваты,
Жизнь, увы, их такова.
Им положено по штату
Обольщать для мотовства.

Явно девицам-царицам,
Каждой нужен автор свой,
Чтоб их облик белолицый
Он пиарил бы строкой
Удалых чудесных сказок,
Разлихих геройских эдд,
Полных яркости и красок,
Полных чувственных побед.

Но пока грустят девицы,
Им пиитов не найти —
Шамаханские царицы
Прозябают взаперти.

* * *

В баре пронзительно пахло хмелем и кислым пивом,
Жареными сосисками, сыром, немного вяленой рыбой —
Веяло воспоминанием о чём-то неожиданно счастливом
И навязчивым призывом к действию: «Налей да выпей!»

Странно, но вместо обычного кабацкого фона:
Гомона посетителей, гула и музыкального вздора —
Помеси рока, хип-хопа, попсы и, конечно, шансона —
Слышался наигрыш лёгкий невидимого тапёра.

Музыка в стиле ушедшего, старомодного ретро
В ненавязчивой ауре расслабляющего джаза
Не вязалась с запахами, которые разносились щедро
По всем помещеньям внутри и рвань на террасу.

Не бывает в барах подобного ощущения счастья:
Непривычного сочетания запахов, музыки, света,
Атмосферы спокойствия и... полузабытой страсти
Из такого же полузабытого, давнего лета.

Пусть же тапёр отыграет своё и сделает паузу,
Я же расслаблюсь пивом, вкушая колбаски,
И настрою гитару пониже, на два тона сразу,
Чтобы пальцы не мучать и не рвать загрубевшие связки.

Поначалу аккорды будут даваться непросто
Из-за отсутствия практики и присутствия в пальцах арт-
рита.

Наивные тексты восьмидесятых и девяностых,
И даже семидесятых — мною ещё не забыты.

Позже тапёр возвратится, и мы, пожав руки,
Разойдёмся неловко в пределах маленькой сценки.
Он вернётся к фано, чтобы вновь наколдовывать звуки,
Я же к пиву вернусь наслаждаться самооценкой.

Руки точно не те, да и голос, увы, не желает
Брать, как хотелось бы, чётко высокие ноты.
Радуюсь больше тому, что не забывает
Сердце ушедшие радости и прошедшие годы.

* * *

Пав во вселенскую скорбь,
Кляня от усталости вечер,
Спину, прошу, не горбь,
Пошире расправь плечи.

Должен же воздух ночной
Помочь с просветлением думы.
Днём досаждают зной,
К вечеру – мир угрюмый.

В свете ли фонаря,
В безветрии или под ветром
Ночью приходят не зря
Мысли о чём-то светлом.

* * *

Сколько их было, учителей,
И по пустыням водителей,

Алчущих в серой тьме.
Только мы их не видели
В первой шеренге строителей
Градов на холме.

* * *

Завернуть бы в лаваш вместе с зеленью
Передержанную надежду,
Обезвоженную адской теменью
Неприятностей бывших прежде.

Завернуть, освежающим соусом
Окропить, усладить, окислить.
А надежду без лишних фокусов
К несущественному причислить.

О деталях

Мир бесконечен, безмежен, фрактален —
Как дивный небесный чертог.

Кто-то считает, что – дьявол в деталях,
Кто-то считает, что Бог.

Кто-то твердит, что не в том и не в Этом,
Считая, что – вовсе ни в ком.

...Если ж детали доверить поэтам,
Они изойдутся стихом.

Они наделяют изящные рифмы
И вычурные словеса.

Детали... Когда погружаемся в них мы,
Рождаются чудеса.

Только в скопленье чудес непонятных
Деталей не разглядеть.

С ними мы в рай попадём или в ад ли,
Нам этого не узреть.

* * *

Ткни
Нос
В дни
Грёз.
Смел
Стих,
Зрел,
Лих.

Танго Декстера

Пам-пам-пам.

Мир безмежен и сложен,
Он из всякого сложен,
Но по части, по большей
Сложен он из дерьма.
Где же тот архитектор,
Указующий вектор
Чей направлен на пользу,
Тот, кто свет, а не тьма?

Пам-пам.

Все маньяки Майами
В телевизоре с нами,
Декстер Морган по праву
Их маньячечный бог.
И валькирий Вальгаллы
Будет, видимо, мало,
Чтоб безумцев отправить
За небесный чертог.

Цыплята табака. Пам-пам.

* * *

Он, путаясь в мыслях лукавых,
Что мозг словно мыши изгрызли,
Казался правее всех правых —
Не в политическом смысле.

Он просто всегда был уверен
В своей правоте бесконечной
И бесконечно был верен
Самовлюблённости вечной.

Но глупо всегда быть правым —
Во всех найправейших смыслах —
Всегда подчиняться уставам,
Не путаться в сложных числах.

Моя правота попроще,
И в ней вы не сомневайтесь.
Но сами быть правыми, в общем,
Старайтесь.

* * *

Будто центр Вселенной нашей,
Где размякли мы, —
Плед, что нитями украшен
Тонкой бахромы;

Кресло мягкое, качалка;
Тёплый, нежный свет...
Где-то подвизалась жалко
Суета сует —

Только нам в уюте пледа
Кажется пустой
Даже мысль, что в мире где-то
Тщатся суетой.

Ода шестой палате

Сидельцы палаты шесть
Съезжают в восьмую палату.
Они, это стоит учесть,
Отнюдь переезду не рады.

Ведь старой палатой всегда
Они с давних лет гордились,
А эта – восьмая – не та,
В ней гневом заменится милость.

Тем парням из комнаты шесть
Дозволено было много:
Их выходок резвая жесть
Оценивалась не строго.

А вот в неудобной восьмой,
Где кнут пересилит пряник,
Свербящий их дух бунтовской —
Шестипалатный – завянет.

Придётся скорее всего
Подкопом вгрызаться в землю

И замышлять плутовство,
Пока санитары дремлют:

Иль просто устроить обмен
Дверных номерков. Что, кстати,
(Всяк верующий блажен)
Едва ли сегодня прокатит.

Им стоило б переписать
Известный сюжет рассказа,
Где Чехов осмелился дать
Шестипалатникам «мазу».

Читатель же молодой
И классику не читает,
О свойствах палаты шестой
Навряд ли что-либо знает.

И можно подсунуть ему,
Читателю, версию проще:
Мол, это в восьмой по уму
Витийствуют буйные гости.

Но автору кажется, что
Здесь дело не по фэншую:
Надеется, знать, кое-кто

Палату занять шестую.

Старых сидельцев прогнать,
А новым хитро и ловко
За денюжку выдавать
В шестую палату путёвки.

Ведь это известно всем:
Коль ты из шестой палаты,
Сухим из любых проблем
Выберешься всегда ты.

Но если болеть за всех,
Кто рвётся в палату шестую,
И новых безумцев и тех,
Кто раньше там жил втихую?

Представьте, решение есть:
Им стоит, воздав по вере,
Развешивать циферки «шесть»
На все доступные двери.

* * *

Трудно представить, что там ничего
Нет,

Если идёт отовсюду его

Свет.

Даже оттуда, где мы ожидали

Мглу,

Где, как нам казалось, мы потакали

Злу.

Замков не строя, но старые срубы

Мша,

Мы ожидаем, не одолеет ли трубы

Ржа.

Сами готовы осилить позднее

Тьму.

Верим, надеемся, молимся, но... не е-

му.

Мы не гиганты, но всё-таки и не

Тля.

Макси-Вселенная есть, есть и мини-

Я.

Это так важно видеть его

Свет.

Трудно представить, что там ничего

Нет.

Баллада о четверти часа

За четверть часа до полуночи
Карета снова стала тыквою.

Беда!

Но Золушка— не дурочка,
К подобным казусам привыкшая.

Карета что!

Осталась Золушка

Пред принцем...

Нет, увы, не голая,

А в старом, грязном платье,
вволюшку

Испачканном золою цвёлою.

Ошиблась фея!

Староватая,

Она в деменционном бремени

Порою не дружила с датами,

Теряя как бы нити времени.

Неужто, девушки,

возропщите

На фей оплошности голимые?

Для них ведь четверть часа,
в общем-то,
Мгновенья мало различимые.

Вот Золушка и не обиделась,
Смекнув,
что тыкву съест за ужином.
Пусть принц считает-де,
привиделось
Ему явленье девы суженой.
И девушка,
теряя туфельки,
Золою с платья и передника
Грязня полы,
умчалась в сумерки
Вон от неумного наследника.

Принц только охнул озадаченно,
Помялся,
выглянул в парадную...

Ведь он считал,
у них всё схвачено,
А тут неясности досадные:
Куда исчезла та красавица?
Откуда замарашка сверзилась?

Как с удивленьем принцу справиться?
Неужто это всё пригрезилось?

«Сынок!» —

его папаша вылетел

И голосом Эраста Гарина

Пред шумным балом тупо выставил

Афронт сыночка с визгом жареным.

Принц лишь поёжился,
досадуя.

«Папаня —

прошипел нервически, —

К чему истерика треклятая?

Всё выглядит не так трагически».

Присутствующие опечалились:

Король кричал,

грозился пальчиком;

Принц покраснел,

а люди пялились

На застеснявшегося мальчика.

Н.В.

Всегда в подобных сказках в фокусе

Несчастья простушек-Золушек.

Сексизм,

во всей его убогости,
Тогда вбил в сказку первый колышек.
К тому ж, поди,
герои повести
С рожденья были не негроиды —
Расизм на сказочников совести,
Его от общества не скроете.

Так чем закончилась история?
Искал ли принц девицу странную,
Бежавшую за территорию
Дворца во тьму благоуханную?
Нет, не искал.
Увы, с грязнулями
Их племя принцево не водится.
К ним принцы лезут с поцелуями
Лишь на безрыбье и безводице.

Вот и выходит,
платье бальное
Да пред передником испачканным —
Есть преимущество реальное,
Как королевны пред простачками.
Ошибка в четверть часа вроде бы
В пространстве Золушку отбросила
Из поднебесья в мир юродивый,

Из ванны —
в простенькое озеро.

Ах, фея,
как своей ошибкою
Ты подлю Золушку подставила,
Пред принцем выставив паршивкою,
Волшбой меняющую правила.

Была звездою бала —
выперлась
В золой испачканном переднике,
Как высморкалась и не вытерлась
Перед разнеженным наследником.

А фея со своей деменцией
Проблемы даже не заметила,
Она витала по инерции
В фантазмагориях и бредила.
Вы часто ль баги замечаете
Чужие – явные и мнимые?

Для фей же четверть часа,
знаете,
Мгновенья мало различимые.

* * *

Я в лабиринт местный
Вгоню своего Минотавра.
Остановлюсь пред бездной,
Присяду под сенью лавра.
Знаю, венки терновый
Мне отнюдь не по чести.
Сменю его на лавровый —
Мне он больше уместен.

Где-то в Мессинском проливе между Сицилией и Калабрией примерно в начале XII века до н.э.

Одиссей сын Лаërта

Меж Сциллою и Харибдою – неплохо,
Пока надежда мой питает дух.
Вода бурлит, вскипает суматоха
От вида этих чудищ-потаскух.

Ну, да – страшны! Ну, да – многоголовы!
И да – меж ними можно не пройти!
Бьёт через край по жилам нездоровым
Адреналина с кровью ассорти.

Меч наголо, пусть разум возбуждённый
Ещё зовёт корабль развернуть.
Но хрен им в глотку, чудищам зловонным,
Идём в атаку, в лоб, а там уж будь,
Как...

Одна из голов Сциллы, дочери Форкиса *(с сожалением)*

Опять плывут, упорные созданыя!
Им нечем что ли там себя занять?
Нам не дают красоты мироздания
Спокойно и неспешно созерцать.

Я только в суть экзистенциализма,
Мне показалось, начала вникать,
А тут они! И путанные мысли
Опять придётся в кучу собирать.

Опять придётся рыться в манускриптах,
Дышать их пылью древней допоздна...
Пристукни-ка их ты, сестра Харибда,
Особенно того вон крикуна.

Харибда, дочь Посейдона
Ну, всё, крикун! Теперь тебе хана!

* * *

Архимедов создал Бог не затем ли,
Чтоб могли они шутя двигать горы?
Вот и дали ему точку опоры,
Говорят, давай, двигай Землю.

Он же, весь эстет из эстетов,

Кто умеет двигать больше словами,
Говорит, мы не из тех Архимедов,
Нужно двигать, двигайте сами.

* * *

Жизнь – штука и без того наворочено сложная,
Не нужно её дополнительно закручивать и усугублять,
Деля на части заведомо правдивые и заведомо ложные,
Она едина в желании выёживаться и удивлять.

Бабочка, мчащаяся постоянно по идиотскому кругу,
Не проживёт дольше бабочки, мечущейся туда и сюда.
Отделение кем-то для вас добра от зла – это не услуга,
Это подталкивание к бездне.

Если вы поняли это, вам не туда.

Сонеты

Сонет пост-постмодерновый

Память наша – палимпсест,
Где поверх слоёв затёртых
Нарастает новый текст
Знаний жидких вместо твёрдых.

Иль разжиженных скорей
Постмодерна безвременьем,
Где дизайн пустой важней
Обладания уменьем.

Где базар пустой а-ля
Илон Маск – народом чтится.
Где ничтожнее нуля
Значимая единица.

Где за гранью постмодерна
Ждут начало предынферно.

Сонет ницшеанский

Мой каждодневный визави
Из недр души взывал к участию
В борьбе для счастья и любви,
Но не за счёт любви и счастья.

Попробуй логику найти
В подобном мыслепостроенье,
Где всё запутано, почти
Как в ницшеанском изреченье.

В предлоге «для» с предлогом «за»
Какой-то смысл зашифрован,
Но видим мы лишь словеса,
Их смысл для нас замаскирован.

Но если долго в бездну зреть,
Она нас сможет разглядеть.

Китайский как бы сонет

*Поэтическое изложение перевода с китайского Лилии
Алексеевко. А вот информация об авторе, увы, потеряна.*

Осенние листья опали. Прошу,
Не плачь. Жизнь идёт чередой.
Зелёные краски уснули, их шум
И буйство излишни зимой.

Их не восстановишь. И жухнет листвою
Весенняя память, даря
Улыбку земле. Теплый ветер хмельной
Уносит зелёный наряд.

Осенние листья опали. Не плачь.
Как реинкарнаций виток,
На будущий год всё вернётся и вскачь
Закрутится танца венки,
На поле грядущих прекрасных удач
Надежды посеяв росток.

Сонет румбовый

Всё затихло на мили окрест —
Непривычная тишина.
Мы отправились на зюйд-вест —
Это, впрочем, не наша вина.

Там накрыты столы на сто мест —
Мы напьёмся опять допьяна.
Говорят, что там много невест,
Много пива и много вина.

Путь закроют, поедем в объезд,

Что нам выпадет, примем сполна.
Бог не выдаст, свинья нас не съест,
Нам другая судьба суждена.

Что зюйд-ост нам уже, что зюйд-вест,
Лишь бы только не тьмы пелена.

Сонет оранжево-розовый

Луна – чуть оранжево-розовая —
Неспешно за лесом взошла.
Сквозь сосны пробиться непросто ей:
Пока что слаба и тускла.

Моментами удаётся ей
Мелькнуть через сетку стволов,
Даря и тепло, и эмоции,
И... просветленье мозгов.

Не каждый умеет при случае
Эмоции эти ловить,
И слабые лунные лучики
Меж соснами находить.

А это, быть может, лучшее,
Чего ради стоит жить.

Сонет осенне-фигóвый

За сентябрём, твердят, придёт октябрь —
Так предначертано... И это так фигóво,
Нашёптывая сонм абракадабр,
Не сметь наколдовать себе иного.

Не сметь наворожить себе апрель,
Пейзажное томление отбросив.
И тратить на пустое акварель,
На сотню раз написанную осень.

Не смея наколдовывать весну,
Владея миллионом заклинаний,
Жить сентябрём у осени в плену,
В плену багрянцев и очарований.

Писать о ней, не воя на луну
От старых рифм и словосочетаний.

Сонет розовый

Роза восхищает наше зрение,
Роза услаждает обоняние,
Тешит вкус – ликёром и варением,

Сластью лепестков, отцветших ранее.

Слух – не восхищает, ведь шуршание
Розовых кустов мы, к сожалению,
Вряд ли отличим от шелестения
Сорных трав у брошенного здания.

Разве только чувство осязания
Не обманет наши ощущение,
Уловив на стебельке растения
Острое колючек беснование.

Уколовшись раз, изменим мнение
Мы о розовом существовании.

Сонет эфемерный

Не сможет подлинно поэт,
Словесных излиятий дока,
Живописать, как лунный свет
Пронизывает брэнность окон.

Не хватит слов, чтоб волшебство
И призрачность лучей неброских
Отобразить в скупых набросках
И рифмах текста своего.

Свет эфемерен в этот час.
Луна и ночь волнуют нас
Своей божественной затеей.

Пылинки редкие блестят,
И кажется, то вальс кружат
Микроскопические феи.

Сонет шашлычный

Ещё слегка алеет запад,
Но воздух душат – не слегка! —
И едкий дым и едкий запах
Всепроникающего шашлыка.

Три сотни местных лоботрясов
На всех участках, всех щелях
Мангалы греют в жажде мяса,
Зажаренного на углях.

И дух, подобный адской смоли,
Иные запахи тесня,
Задушит, сдавит, обездолит
Всю свежесть выходного дня.

И хочется спросить: «Доколе?»
Но вряд ли кто поймёт меня.

Сонет травяной

День был чрезмерно изнуряющ,
С утра – жара, в обед – жара.
И даже вечеру вверяясь,
Не ждал я от него добра.

Спирты термометра взбесились,
Хотя до этого – захлёб! —
Дожди обильные резвились,
Пытаясь повторить потоп.

Трава, не знавшая покоса,
Безмерно радуясь бесхозу,
Разухарилась в полный рост.

Её, напитанную влагой,
Жарой не запугаешь всякой,
Она дотянется до звёзд.

Damnatio memoriae

(проклятие памяти)

Можем мы смотреть зачарованно
На чужие мероприятия,
Ведь подвергнуться форме «проклятия»,
Нашей «памяти» не уготовано.

Никакой Герострат не позарится
На кристаллик культурной наледи,
Что по нашей смерти останется
В пустоте человеческой памяти.

Мы такие себе – безликие,
И своими талантами – скромные.
Геростратов влекут великие
Артемидовы храмы огромные.

NB. *Damnatio memoriae* (с лат. – «проклятие памяти») – особая форма посмертного наказания, применявшаяся в Древнем Риме к государственным преступникам... Любые материальные свидетельства о существовании преступника – статуи, настенные и надгробные надписи, упоминания в законах и летописях – подлежали уничтожению, чтобы

стереть память об умершем.

* * *

На другом берегу и на этом
Нас стремятся сживать со света
Люди света и полусвета,
Продавая нас вполцены.
Мы ж такие – без спасжилетов –
Дети осени, дети лета,
Не совсем по сезону одеты,
Но открыты лишь для весны.

* * *

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.
М. Ю. Лермонтов*

Нынче трудно выйти на дорогу
Одному, да так, чтоб сквозь туман
Путь кремнистый, устремлённый к Богу,
Был бы как пустынный автобан.

Все кремнистые, асфальтовые трассы,

Зимники, грунтовки, большаки́
Транспортом загружены всечасно:
Шумы, выхлопы, жужжание, гудки.

Блеском фар засвеченное небо —
Как звезда с звездой говорит,
Мы не слышим: мы глухи и слепы.
Мир не внимлет Богу, а шумит...

* * *

Герой этой оды, не веруя слухам,
Говорил, тщеславием полон:
«Называйте меня просто «Товарищ Сухов»
Или сложно – «Товарищ Воланд».

Он в Назарете иль там в Вифлееме
Отродясь не бывал ни разу,
Но всё же водил по пустыням гаремы —
Добровольно, не по приказу.

Водил сорок лет или сорок столетий —
Трудно подобное вспомнить
Сквозь тысячи фарсов и трагикомедий,
Лабиринты закрытых комнат.

И частью той силы, что вечно желает
Нам зла, совершаючи благо,
Он не считал себя, и не считает,
И не будет считать. Однако,

Маузер свой сохраняет исправно,
Маслицем холит, в свете
Того, что вдруг басмачи или фавны
Посетят, будет чем их встретить.

И вот на границе горячей пустыни
Он вновь караван собирает,
Утративших веру к искомым святыням
Уверенно направляет.

* * *

К тверди небесной булавочками
Крепятся полукружия радуг.
Чувства разносятся бабочками
И раздаются в виде мармеладок.

* * *

Логика можно найти во всём:
И в глупости и в безумии.

Уж коль пожелаем, точно найдём.
А нет её, так придумаем.

* * *

Пошью костюм себе с отливом,
    Поеду в Ялту
Бродить по берегу, игриво
    Взбивая фалды.
Пройдя по местным ареалам,
    По каждой стёжке,
Блесну изящным матерьялом
    Своей одежки.
Минув пути и перепутья,
    В конце прогулки
Присяду с пивом отдохнуть я
    Под барабульки.
Десяток рыбок быстро съев,
    Всмотрюсь, вздыхая,
В красу фланирующих дев,
    Кудесниц рая.
И всё здесь есть, и всё – красиво.
    В обед и ужин
Для счастья здесь костюм с отливом
    Вообщем не нужен.

* * *

Стоит ли лукавить о том,
Что есть очевидным и так.
Но привычка лгать обо всём
Крепко поселилась в мозгах.

Говорят, незнание – грех,
Знание ж – как есть мишура.
“Ох, темна вода в облацех” —
Говорит синоптик с утра.

Падших привлекает подъём,
Высших же – надежда упасть.
Стоит ли лукавить о том,
Что падение и есть наша страсть.

* * *

На стих мой скромный обратя
Взыскательное око,
Скажи, что это не пустяк,
Написанный убого.
Скажи: желанно б перечесть,
Задуматься, вникая.
В нём что-то этакое есть,

Что именно – не знаю.

* * *

Каждый мечтает стать кем-то и быть им,
Пока не задумается – зачем?
Задумавшись, тут же лишается прыти,
Словно теряется пред бытием.

* * *

В мире движется всё, если только не двигаюсь я.
Если ж двигаюсь, то не замечаю движение.
Относительность существует только в отношении меня.
И зачем мне тогда это мира ко мне отношение?

* * *

Небо в облачной пенке
И в переливах цветов.
Мраморные оттенки
На светлых стенах домов.

Улица театральная
Приобрела колорит.
Только томилась печально,

А теперь – веселит.

* * *

Этот замок только днём
Сер и неприветлив,
Ночью, залитый огнём,
Он прекрасно-светел.

Путеводным маяком
Через тьму пространства
Зазывает он лучом
Беглых чужестранцев.

Местные его и так
Безусловно знают,
Как блистающий маяк
Чтят, благословляют.

Да и как его не чтить,
Если все на свете
Верят в то, что должен быть
Тот, кто просто светит.

Марш смутного времени

Жизни извивы не радуют, и все, кто ей не доволен,
Теснятся в забытом старом, пренебрегая новым.
Приходят из неизвестности
к ним Жербунов и Барболин,
Встречаясь в этой реальности с Башировым и Петровым.

Смутное время шествует! И от его приближенья
Вздыбливаются ворсинки на чёрном сукне бушлатов.
Сбруи из лент патронных, бутылочных бомб сцепленье
Резво перекочёвывают на гладь медицинских халатов.

Сгнили пути запáсные, и бронепоезд заржавлен,
Были на нём установлены гранаты не той системы.
Кто Жербуновым с Барболиным был высокопоставлен,
Будет Вовано-Лексусами
высокопонижен от темы.

Смутное время шествует! Холодом дышат будни.
Знать, Жербуново-Барболины уже готовят запалы.
Им явно с утра неплохо, а будет ли так пополудни?
Готовьтесь и вы – ведь точно вам целого мира мало.

Р.С. Жербунов и Барболин – персонажи романа Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота». Являются главному герою Петру Пустоте то в виде революционных матросов в чёрных бушлатах, увешанных патронными сбруями и бутылочными бомбами, то санитарями психиатрической лечебницы – в белых медицинских халатах.

Баширов и Петров – былинные герои современного европейского театра абсурда.

Кто такие Вован и Лексус, я и сам достоверно не знаю.

* * *

Утро несвежее, как... Джон Макклейн,
Горько пивший всю ночь
Не славный Южнобережный портвейн —
Самогоноподобный скотч.

Скажите, какого приходят они,
Подобные утра, к нам?
Дождливые ночи, дождливые дни,
Жизнь, отданная дождям.

Было такое: семь дней и ночей
Где-то лило-лило.
Мокро им было, кому (ой же вей!)
С ковчегами не свезло.

Их заливал и водой, и тоской
Хлябей небесных вал.
Не было скотча у них под рукой,
Люд и портвейна не знал.

Грустное-грустное время дождя,
В сырости и духоте
Джона Макклейна клянун я, хотя
Он не виновен в дожде.

* * *

Зачем стремится очищать природу,
В дерьмо Вселенной добавляя воду?
Добавив в бочку дёгтя ложку мёду,
Мы дёготь не испортим ни на йоту.

Гуманитарная раздача нектара на Олимпе

Их очередь за бесплатным нектаром
была весьма беспокойной.
Не приученные к порядку, олимпийцы
вели себя глупо и нервно.
Пихаясь локтями – не грубо,
бьясь крыльями – тоже не больно,
Каждый считал себя – после Зевса —
чуть ли не первым.

Нектар разливала половником медным
толстушка – из фурий.
А может, из гарпий – кто их разберёт,
неприметных толстущек.
Она себя мнила важной. И верно,
ведь даже лукавый Меркурий
Постыдно завидовал ей,
королеве бесплатных и сладких плюшек.

Ретивые боги теснили друг друга...
Но как-то не слишком рьяно.

Держали в руках заготовленную
заранее чистую тару.

Заглядывали и дули в свои банки
и пластиковые стаканы,

Готовясь принять в них желанную
жижу разбавленного нектара.

А Януса в очередь не пустили,
он же не местный – не олимпиец,

Тем более, что стекло его банки
было каким-то мутно-белёсым.

Нектар осквернять нельзя:

он же нектар, он – любимец

И чистой посуды, и чистых мыслей,
и чистых вопросов.

Меркурий, приняв в свою миску
неполный половник счастья,

Направился прочь, оттолкнув
удручённого Януса-несчастливца —

Бескрылого, сгорбившегося
от местной жадности и страсти

Отказывать всем нездешним
в возможности бесплатно харчиться.

Доброта не присуща олимпийскому братству,

но среди фурий
(Или среди гарпий?) имеются
исключенья из жёстких правил.
Толстуха-раздатчица кликнула Януса,
и метнувшийся пулей
Двуликий страдалец банку
под милосердный нектар подставил.

Взроптали голодные олимпийцы,
ещё не онектаренные вольготно.
Раздатчица, зацывав на них,
пыталась пространство половником тыкать.
Она осчастливила Януса, может,
даже не от доброты природной,
А именно из желания на богов
без последствий поцывать.

Футурологическое

Шкуры неубитых медведей
Весело делить и приятно:
Зреть вперёд на пару столетий
Видеть солнца тёмные пятна,

Обещать несметные горы,
Выпадение манны небесной —
Задуманные разговоры
Обо всём, что нам не известно.

* * *

Освежающе-лёгкий ливень
Мир отмоеет и сделает ярче.
Граммфончики жёлтых лилий
Засияют на солнце жарче.
Мелкий рой еле видимых мошек
Вновь возьмётся над клумбой реять,
И от влажных ещё дорожек
Будет свежесть приятная веять.

* * *

Он бывалый боец, он
Уже дважды ходил в атаку.
Его страхи, его сон
Уже не мешали ему.
Ведь есть его батальон
И предвкушающий драку
Бывалый боец – он,
Открывший в себе тьму.

* * *

Акты творения
Требуют отвлечения
От земного,
Всего такого.
А желания
Требуют тщания —
Не слишком крутого.
И не много.

* * *

Шекспировские страсти глупы.
Зачем все эти «быть иль не быть»?
Зачем вверяться нитям судьбы

И корабли без дела топить?

* * *

На всех взирающих вдаль
Составлен особый реестр.
В кустах уже не рояль,
В кустах уже целый оркестр.

Но тут возникает вопрос:
Мы что́ принимаем за даль?
Кому-то и бубенный чёс
Заменит неожиданный рояль.

Кому-то и арфы напев
Покажется дном пустоты.
Давайте ж умерим свой гнев
И срубим к чертям все кусты.

Страдания да Винчи

1.

Леонардо ди сер Пьеро
да Винчи

Был расстроен и не в меру
был взвинчен.

Мир искусства стал по-адски
модерен:

Человек Витрувианский
утерян.

И пропорции его под-
размылись,

И умения, и опыт —
забылись.

Всяк художник вырос подле
ню-арта.

Что рисуют, не поймёт Ле-
она́рдо.

Порождённые в халтуре
жанристы —

То кубисты, а то сюрре-
алисты

Чем творят сии фиаско
Европы?
Есть такие – брызжут краской
из... попы.

2.
Креативы слишком вздорны...
В гордыне
Белоснежки стали чёрны-
ми ныне.
Поцелуями будить их
запретно,
Нет и речи о соитьях
безвредных.
В виде письменном имей раз-
решенье,
Чтоб их спящих целовать в воз-
бужденье.

Даже Золушки сегодня —
толстушки,
В не испачканном исподнем
жрут плюшки,
А должны, как то положе-
но в пост им,
Быть измученными: кожа

да кости.

Смысл сказки ведь теряет-
ся, если
Щёки Золушек сияют,
как Пресли.

3.

Позабыв и про анапест
манерный,
Ошарашенный пустым пост-
модерном
Возмутился Леонардо:
“Да чтоб им,
Изуверам авангардным,
С их стёбом
Непременно стало пусто
В культбыте!
Современное искусство,
изыди!”

* * *

Ангел был ярок, но, правда, имел
Огромные чёрные крылья,
Телом был, соответственно, бел —
Этакое бесстилье.

Глянешь и сразу не разберёшь,
Чьих он будет посланник?
Повелителя сумрака? Или всё ж
Он – богоизбранник.

Умение взглядом определять
Тёмные/светлые силы
Нужно ещё заслужить... и принять,
Как глоток девясила.

Этим умением я не владел,
Поэтому просто дивился
Виду того, кто чёрен и бел,
Кто темнел и светился.

Чёрное, белое – серого нет.
Серые – чьих они будут?
Выходит людям важнее цвет,
Такие они, люди.

* * *

Давнишние детские ужасы
Вам помнятся наверняка.

Случалось, из грязненькой лужицы
Вдруг возникала рука.
Грозила скрюченным пальчиком,
Твердила про чей-то должок.

А после девочек-мальчиков
Волчок кусал за бочок.

А мимо, словно на тросиках
Тянули его в серой мгле,
Гроб проезжал на колёсиках
По мёртвой от страха земле.

Пугая ночными криками
И молниями с небес,
Летели Горынычи дикие
И с ними Кощей-мракобес.

Хихикали в чаще кикиморы
И лешие путали след.

Жаль вездесущие стримеры
Не сняли этот сюжет.

* * *

Видит в хаосе структуру талант,
Видит хаос во структуре педант.
Положение предлога «в»
Изменило хаотичности квант.

Заключительный аккорд

Не важно, что тебе снится —
Важно просто проснуться:
Бабочкой или птицей
Сны твои унесутся;

Плоская недалёкость
Сменит объём забвений;
Тяжесть заменит лёгкость
Марева сновидений.

Яблоко пробежится
Краем тонкого блюда.
Что-то должно случится,
Важно только проснуться.